
И.М.Вершинина

Мексика: три десятилетия неолиберальной политики

Мексику и Россию объединяет схожесть многих процессов, происходивших в наших странах в последние три десятилетия. В статье анализируются смена моделей развития в Мексике, характер и последствия неолиберальной политики, а также реакция на нее мексиканского общества; проводится параллель с российскими реалиями.

Ключевые слова: Мексика, «революционный национализм», импортзамещающая индустриализация, перестройка, «салиностройка», неолиберализм.

Мексика представляет для российского исследователя особый интерес. Это обусловлено тем, что в ее истории наиболее рельефно отразились успехи и неудачи, связанные с поисками собственного исторического пути и собственной модели социально-экономического развития. Кроме того, в прошлом наши страны решали во многом сходные проблемы, хотя и на основе различных моделей.

Мексика и Россия были одними из первых стран в мире, где в XX в. произошли социальные революции. Не останавливаясь подробно на характеристике этих революций, отметим то общее, что им предшествовало: экономическое развитие, которое в значительной степени определялось извне и носило периферийный характер, модернизация, осуществляемая сверху, и все это на фоне углубляющихся социальных проблем. Общим является и то, что продуктом обеих революций стало рождение государства нового типа и что основы экономической политики, которая определяла развитие Мексики на протяжении более полувека (до начала 80-х годов), а России на протяжении более 80 лет (до начала 90-х), были заложены именно в революционный период. И в обеих странах последовавший за этими событиями период характеризовался глубочайшими преобразованиями в экономической, политической и социальной сферах.

В 90-е годы Россия отказалась от социалистического пути и, соответственно, от собственной модели развития, и в настоящее время вместе с Мексикой находится в одном пространстве периферийного капитализма. Те проблемы, которые Мексика пыталась решать в свое время, стали актуальны и для России. Кроме того, обе страны оказались перед лицом новых вызовов, связанных с

Ирина Михайловна Вершинина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Научно-издательского центра ИЛА РАН (vershinin-vk@tochka.ru).

глобализацией мирового пространства, и сложности, порождаемые этими вызовами, ответы на них и характер их решения во многом схожи.

Однако и в Мексике, и в России недостаточно анализируются неудачи, причины утраты позиций наших стран как в мировой экономике, так и в политике. И здесь имеются в виду не простое описание процессов в хозяйственной сфере, которые пытаются представить как объективные, а значит не зависящие от воли людей, не «одержимость» цифрами, которые есть отражение складывающейся на определенный момент времени экономической конъюнктуры, не обращение к сиюминутным социальным проблемам, а глубокий анализ, связанный с постижением некоей метафизики бытия каждого народа, пониманием его ценностных установок и традиций, оказывающих огромное влияние на экономическое поведение и соответственно на восприятие экономической политики государства.

Такой анализ частного, казалось бы, опыта наших стран, подошедших к нынешнему этапу мирового развития как бы с противоположных сторон, дает возможность понять и подтвердить общие закономерности функционирования капиталистической модели. Более того, сравнительный анализ моделей развития на разных исторических этапах позволяет понять, что в них было правильным, а что неправильным; за счет каких сил, за счет какой энергии осуществлялось это развитие, и что в конечном счете лежит в основе успеха всякого развития — материальные ли устремления человека или «идеи». Исторический опыт Мексики, так же как и России, включает в себя постоянный мучительный поиск собственного пути, формирования собственной идентичности и одновременно сильное воздействие внешнего фактора на развитие страны и, как следствие, частое обращение к внешним силам для решения внутренних проблем. Мексиканская революция 1910—1917 гг. положила начало определенной эпохе в истории страны, которая при всех различиях в социальной и экономической политике правительств на разных этапах имела единую цель — модернизацию, задачей которой был поиск места страны в мире при сохранении суверенитета.

При этом активным участником процесса развития всегда было государство, без участия которого, и это уже мало кем отрицается, были бы невозможны экономические успехи, в первую очередь индустриализация, а также реализация социальных программ. «Характерной чертой этих периодов (послереволюционных режимов 1920—1980 гг.) была разработка модели страны, хотя и в рамках периферийного капитализма, но подразумевающей социальный подход, такой, каким его установила революция 1910 г.»¹.

Подобный подход к решению внутренних проблем не мог не отразиться и во внешней политике. На международной арене Мексика отстаивала право на свой путь и на свое видение мироустройства, что делало ее одним из лидеров развивающихся стран и борьбы за новый мировой экономический порядок. По характеру экономической политики можно выделить два периода: развитие «вовне», базировавшееся на экспортной аграрно-сырьевой модели (с конца XIX до приблизительно 60-х годов XX в.), и развитие «вовнутрь», основой которого стала импортзамещающая индустриализация (с 60-х до начала 80-х годов XX в.).

Для нас наибольший интерес представляет второй этап. Именно он, на мой взгляд, стал наиболее значительным во всей истории развития Мексики (как и ряда других стран Латинской Америки). Этот этап важен не только тем, что превратил ее из аграрной страны в индустриально-аграрную, но и тем, что это была собственная модель, вызванная к жизни осознанием необходимости глубоких изменений в экономике и отхода от прежней модели развития «вовне», базировавшейся на экспорте сырья и сельскохозяй-

ственной продукции. Начиная реализовывать эту модель, мексиканцы были полны надежд на будущее, на возможность подъема экономики, создания новых рабочих мест и повышения уровня жизни. Это был период быстрого развития, основанного на росте промышленности, ориентированной в первую очередь на внутренний рынок, а также структурных изменений в экономике. Упор был сделан на внутренние факторы развития, в первую очередь в индустрии, к которым относились: национальный капитал, природные ресурсы, население и, конечно, мексиканское государство.

Принципы активного участия государства в процессе были заложены в первом шестилетнем плане, принятом в период правления Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.). В проекте плана государство рассматривалось как «центральный экономический субъект, а предпринимаемые реформы — как продукт сознательного государственного руководства, которое только тогда может иметь успех, когда опирается на мобилизацию народа»². При всех издержках и недостатках этой модели структурные изменения в экономике сопровождались ростом внутреннего производства, что нашло отражение и в постоянном росте ВВП, составлявшем в период 1940—1970 гг. 6,5% в год³. Это не могло не сказаться положительно на снижении зависимости страны от импорта, доля которого в общем объеме внутреннего предложения товаров и услуг снизилась за указанный период более чем в два раза (с 49 до 21%)⁴.

Шло активное формирование национального класса предпринимателей, которое сопровождалось повышением его роли в экономическом, в частности, промышленном развитии страны. «Впервые в истории промышленного развития Мексики в этот период агенты индустриализации были найдены внутри самой страны, и технологические нововведения проводились под воздействием национальных предприятий»⁵. Именно к этому периоду относится возникновение и развитие новых форм экономической организации национальных компаний, в частности промышленных и финансово-промышленных групп⁶. Можно было говорить о том, что частный национальный капитал становился наряду с государством основным субъектом экономического развития Мексики. К 1978 г. доля частных национальных групп, входящих в 100 крупнейших компаний страны, в промышленном производстве составляла 12,1% (в 1973 г. — 6,3%) при 8,4% соответствующих ТНК (6,8%)⁷. При этом национальные компании действовали не только в традиционных отраслях промышленности, но и в новых на тот период — электронной, фармацевтической, производстве синтетических волокон, средств производства.

Деятельность национальных предприятий увеличивала использование внутренних факторов производства, национальные промышленные группы вели научно-исследовательские работы, разрабатывали программы подготовки квалифицированной рабочей силы. В немалой степени относительно стабильному положению страны и успехам в экономике способствовало объединение общества на основе идей «революционного национализма» и совместном участии в процессе развития государства, трудящихся и предпринимателей. Это, в свою очередь, обеспечивалось сложившейся на тот момент политической структурой Мексики, характерной чертой которой являлась монополия на власть одной партии — Институционно-революционной (Partido Revolucionario Institucional, PRI)*.

Эта эпоха закончилась в начале 80-х годов, когда Мексика, отказавшись от прежней модели, начала проводить в жизнь неолиберальную политику,

* Институционно-революционная партия была образована в 1929 г. На протяжении почти 70 лет при формально существующей многопартийности она была единственной правящей партией.

впервые реализованную Рональдом Рейганом в США и Маргарет Тэтчер в Англии. Они пытались таким образом справиться с кризисом, который капиталистические страны переживали в начале 70-х годов. В Мексике пришедший к власти в 1982 г. Мигель де ла Мадрид для решения проблем, доставшихся ему в наследство от правительства Хосе Лопеса Портильо, также стал использовать инструменты этой политики: либерализацию экономики, дерегулирование и децентрализацию; особое место отводилось приватизации госпредприятий.

Неолиберальная политика была продолжена и следующим президентом — Карлосом Салинасом де Гортари, который в правительстве де ла Мадрида возглавлял министерство планирования и бюджета. Именно с его именем связывают неолиберальный этап развития Мексики. Его приход на пост президента Мексики в 1988 г. совпал с изменениями на мировой политической арене. Это — и перестройка в СССР, ставшая для многих свидетельством возможной демократизации политической структуры в странах с однопартийной авторитарной системой, и начавшийся позднее распад Советского Союза, который, без всякого сомнения, привел к усилению неолиберальных настроений в ряде стран Латинской Америки. Он, с одной стороны, ослабил позиции и влияние левых сил, а с другой — дал повод говорить о том, что отныне нет альтернативы капитализму как универсальной модели развития мира, и, таким образом, облегчил и усилил восприятие неолиберализма как достижения передовой экономической мысли на фоне трудностей и проблем, возникших в ходе импортзамещающей индустриализации. Более того, исчезновение СССР означало конец биполярного мира и начало нового этапа глобализации, идеологической базой которого и стал неолиберализм.

Правительство Салинаса разработало амбициозный план модернизации, ядром которого должны были стать преобразования в экономике, проводимые командой молодых экономистов-технократов*. Но предусматривалось проведение и политических реформ, направленных на демократизацию политической жизни и ликвидацию монополии одной партии, укрепление легитимности избирательного процесса и модернизацию политической системы. Однако, если посмотреть на характер политических реформ, то можно сказать, что они в значительной степени определялись потребностями новой неолиберальной экономической политики и были направлены на отстранение от власти «старой гвардии» PRI, которая была не согласна с новым экономическим курсом, на расширение социальной базы экономических преобразований, а также на их законодательное закрепление. К власти пришли технократы, экономикоцентризм которых встал над идеологическими и политическими приоритетами, столь характерными для предыдущих правительств⁸.

Однако спорные результаты выборов, которые поставили под сомнение легитимность избранного президента, усиление левой оппозиции, несоглас-

* Салинас назвал свою команду «дружной» командой (*grupo compacto*). Почти все они были выпускниками престижных американских университетов: Педро Аспе — министр финансов (Массачусетский технологический университет), Мануэль Солис — правительство Федерального округа (Принстонский университет), Луис Данальдо Колосьо — председатель PRI, в 1992 г. стал министром социального развития (Северо-западный университет), Хайме Хосе Серра Пуче — министр торговли (Йельский университет), Эрнесто Седильо — министр планирования и бюджета (Йельский университет), Хосе Мария Кордоба Монотойя — советник Салинаса де Гортари, его называли «серым кардиналом» (Стэнфордский Университет). Сам Салинас де Гортари закончил Гарвардский университет.

сией с новой экономической политикой традиционных элит и связанных с ними профсоюзных лидеров в немалой степени обусловили достаточно селективный характер процесса политической демократизации, благоприятствующий той части оппозиции, которая поддерживала экономический курс Салинаса де Гортари.

Политика Салинаса де Гортари усилила раскол в правящей PRI, положила начало процессу ее отстранения от власти в 2000 г. Симптоматично то, что так же как и в Советском Союзе, инициатором коренных перемен стала определенная часть правящей партии. И, так же как и в СССР, реформы стали попыткой модернизации не только экономики, но и традиционного общества. Политика Салинаса де Гортари по аналогии с перестройкой Горбачева была названа журналистами «салиностройкой». Но, как признавал ряд авторов, в Мексике салинистское правительство проводило перестройку, но без гласности⁹.

Мексиканская «салиностройка», как и перестройка в России, по моему мнению, положила начало разрушительным процессам, поскольку реформы проводились без учета сложившейся на тот момент экономической и политической структуры социума, целостность и стабильность которого держались на идеях «революционного национализма» и единстве (хотя бы и кажущемся) правящей партии. Резкий слом «несущих конструкций» на фоне неолиберальных преобразований привел к расколу в обществе, подрыву доверия населения к власти и углублению социальных и экономических противоречий.

Главными направлениями экономических преобразований были дальнейшая приватизация госпредприятий, свертывание аграрной реформы и прекращение выделения земель крестьянским общинам — эхидо*, либерализация внешней торговли и открытие экономики по отношению к мировым рынкам. Кульминацией стало подписание в 1993 г. договора о свободной торговле с США и Канадой — Североамериканского соглашения о свободной торговле, НАФТА (North American Free Trade Agreement, NAFTA)**.

И если в период импортзамещающей индустриализации развитие промышленности было ориентировано на внутренний рынок, то теперь задачей стало производство промышленной продукции, в первую очередь обрабатывающей промышленности, на экспорт. Новая политика сделала упор на внешние источники развития, среди которых главная роль отводилась транснациональным компаниям, а национальные предприятия должны были стать составной частью их производственных цепочек. Это означало коренные изменения в хозяйственной политике государства и пересмотр роли последнего в экономике. По сути «...целью внутренней неолиберальной политики государства стала глобализация производственных процессов»¹⁰. В соответствии с ней были проведены реформы, демонтировавшие всю прежнюю систему защиты национальных производителей. В первую очередь они затронули внешнюю торговлю, финансовый сектор, привели к приватизации госпредприятий, дерегулированию рынков.

Максимальная открытость Мексики по отношению к мировым рынкам стала, пожалуй, краеугольным камнем неолиберальной политики, проводимой правительствами М. де ла Мадрида и К. Салинаса де Гортари. Эта политика, как мне кажется, стала каким-то наваждением для правящих

* В ст. 27 Конституции была внесена поправка, которая ликвидировала юридической базу аграрной реформы, проводившейся с периода правления Карденаса, и означала конец раздела земель.

** Договор вступил в силу в 1994 г.

кругов, превратив властную элиту в фанатиков рыночного капитализма. В ней она видела решение всех проблем, сделав упор на стабилизацию макроэкономической ситуации и отложив на потом проблемы развития и борьбы с социальным неравенством. При этом совершенно не принималось во внимание, что сложившаяся на тот момент структура производства не позволяла стране успешно конкурировать на мировых рынках.

Либерализация внешней торговли с начала 80-х годов стала главным шагом на пути «открытия» мексиканской экономики. Были значительно сокращены или сняты таможенные ограничения и предварительные разрешения на импорт. К 2008 г. 98,5% статей импорта были освобождены от предварительных разрешений, а средневзвешенный размер таможенных пошлин составил 0,95%¹¹.

Чтобы максимально диверсифицировать внешнеэкономические связи, Мексика пошла по пути заключения двусторонних и многосторонних договоров: уже к концу 90-х годов у нее было подписано 12 соглашений о свободной торговле и 23 соглашения о продвижении и взаимной защите инвестиций, расширившие географию ее связей до 44 государств¹². Складывается ощущение, что с открытием экономики и либерализацией внешней торговли главным критерием успешности (или правильности) линии развития, показателем диверсификации внешнеэкономических связей и растущего значения страны как экспортера мексиканское правительство считало количество подписанных торговых договоров, по числу которых Мексика лидирует в регионе. Однако можно согласиться с мнением мексиканского исследователя Хосе Игнасио Мартинеса Кортеса, который считает, что соглашения являются серьезным вызовом стране, ее экономике и национальным производителям, которые столкнутся на своих рынках с конкуренцией чужих товаров и услуг, ведущейся не на жизнь, а на смерть¹³.

Вторым направлением новой политики стали дерегулирование экономики и политика «меньше государства», что в общем-то отвечало догмам неолиберального учения. Это означало самоустранение государства от решения сложнейших общественных и экономических проблем, которые ныне должен решать рынок. Социальная сфера рассматривается теперь как излишняя нагрузка на госбюджет, в политике государство перестает быть главным судьей и посредником при регулировании конфликтов в обществе и встает на сторону «эффективных собственников», к которым относится незначительная часть населения. Государство перестает быть ответственным за развитие страны, перестает быть носителем общих идеалов и превращается в управляющего территорией, который действует в интересах крупного частного (и иностранного и национального) капитала.

Свидетельством этого стало резкое уменьшение числа государственных и полугосударственных компаний: с 1983 по 2008 г. оно сократилось с 1155 до 211¹⁴. При этом государство брало на себя все долги компаний, чтобы продать их «чистыми», как того требовали частные покупатели, и цена нередко была на 65% ниже реальной. Уже к концу 1986 г. правительством М. де ла Мадрида по этой схеме было продано 660 государственных и полугосударственных компаний (т.е. 57% общего числа)¹⁵. Правительство Салинаса де Гортари продолжило процесс приватизации. Именно к этому периоду относится продажа крупнейших государственных компаний — «Telmex» (телекоммуникации), «Altos de Hornos de México» (черная металлургия), а также предприятий химической промышленности, коммуникаций, авиалиний, сетей отелей, а также банковской системы.

С финансовой точки зрения такая приватизация не только ничего не дала стране, но и оказалась «затратной», усугубив и без того сложное финан-

совое положение правительства. За период 1990—1999 гг. (период правления Салинаса и Седильо) федеральное правительство получило от приватизации 31,5 млрд долл., при этом потратило 78 млрд долл. (в 2,5 раза больше) на спасение от банкротства частных компаний, занятых в тех отраслях, в которых ранее действовали государственные предприятия¹⁶.

Все вышесказанное означало отказ от проведения самостоятельной экономической политики и упование на то, что частный, в первую очередь иностранный капитал в лице ТНК поможет решить основные экономические проблемы: создание рабочих мест, развитие новых технологий, дефицит финансовых средств и соответственно платежного и торгового баланса. Это обусловило принятие законов, которые сняли последние барьеры на пути иностранного капитала. Ежегодный приток прямых иностранных инвестиций рос с каждым новым президентом: 3,64 млрд долл. в 1988—1993, 12,42 млрд в 1994—2000 и 21,74 млрд в 2001—2008¹⁷. Однако, признавая определенное положительное влияние иностранного капитала на экономику страны, я все-таки считаю, что его нельзя рассматривать как долгосрочный фактор, способный внести вклад в реализацию целей национального развития. Иностранные инвесторы действуют не сообразно интересам той или иной страны, в данном случае Мексики, а в соответствии с собственными интересами, направленными на получение максимальной прибыли.

Вступление Мексики в NAFTA и дальнейшее включение в глобальную экономику, сопровождавшееся принятием крайне либеральных законов в отношении иностранных инвестиций, способствовало тому, что крупнейшие иностранные компании стали создавать в стране предприятия, осуществлявшие определенную стадию производственного процесса с последующим экспортом продукции в третьи страны (или использовать для этих целей национальные предприятия). В первую очередь речь идет об американских компаниях и так называемых «макиладорас». Эти якобы мексиканские предприятия по сути являются звеньями глобального производственного процесса, что отнюдь не способствует их интеграции в национальную экономику. Более того, можно говорить о том, что этот процесс усилил ее дезинтеграцию и означал появление на территории страны производств анклавного типа. За многие годы так и не удалось связать их с местной экономикой и ощутимо увеличить использование национальных материалов. Растущий импорт компонентов для сборочных предприятий не компенсировался экспортом, в связи с чем отрицательное сальдо торгового баланса росло как в обрабатывающей промышленности, так и во всей экономике в целом: в 1980—1993 гг. оно составляло соответственно 9,3 и 16 млрд долл., то в период 1994—2006 гг. выросло до 20,1 и 33,2 млрд долл.¹⁸.

Пытаясь углубить процесс включения в мировой рынок, Мексика сделала ставку на нефть, цены на которую в начале XXI в. сильно поднялись. Это позволило резко увеличить доходы от ее экспорта: только за период с 2000 по 2005 г. они выросли более чем в два раза: с 327 млрд до 777 млрд песо¹⁹. Так же как и в России, нефть в Мексике является главным экспортным товаром (если не считать продукцию «макиладорас»), основным источником средств для формирования бюджета (почти 40%)²⁰. На практике это вылилось в возвращение к экспортно-сырьевой модели, что сказалось на структуре мексиканской экономики, в которой явно прослеживаются признаки деиндустриализации.

Несмотря на критику нефтяной политики государства в предыдущие годы, ситуация в период проведения неолиберальной политики не только не изменилась, но еще больше усугубилась. Разница заключается лишь в том, что вывозимая нефть была вытеснена продукцией предприятий-«макиладорас». Доля

сырой нефти в экспорте растет: за первое десятилетие XXI в. она почти удвоилась (1999 г. — 6,5%, 2010 г. — 12%)²¹. Последние 15 лет почти весь экспорт углеводородов приходится на сырую нефть, доля которой не опускалась ниже 83% (по стоимости). При этом доля нефтехимических продуктов снизилась почти в пять раз (с 2,9% в 1995 г. до 0,6% в 2010 г.)²². Для сравнения: в 1980 г. она составляла 4,1%²³. И это происходит на фоне растущего импорта данного вида продукции, доля которого в общем объеме в 2010 г. почти в полтора раза превышала соответствующий показатель 1980 г. (7% против 4,5%)²⁴.

В условиях, когда государство уходит из экономики как активный ее участник, нефтяные доходы перестают служить развитию страны, они развращают, создавая иллюзию нескончаемого финансового изобилия, лишают власти стимула к настоящей перестройке экономики.

Это очень хорошо вписывается в неолиберальный принцип «меньше государства». И государства действительно становится меньше: государства, отстаивающего национальные интересы; государства, ратующего за подлинное развитие; государства-созидателя, а не посредника, пытающегося совместить различные индивидуальные интересы. При этом оказывается, что такое государство стоит на защите частных, в первую очередь иностранных, интересов, теряя свой экономический, а затем и политический, суверенитет.

Необходимо отметить, что поражение PRI на выборах в июле 2000 г. и победа Висенте Фокса — кандидата от оппозиции, в которой главную роль играла PAN, — не означали изменение экономического курса. И Фокс, и следующий президент Фелипе Кальдерон, тоже выдвинутый PAN, выступали за продолжение и углубление неолиберальной экономической политики предыдущих правительств. Именно PAN в 90-е годы критиковала PRI за непоследовательность при проведении неолиберальных преобразований, требуя максимального развития частной инициативы, еще большей приватизации и сокращения государственного регулирования. В PAN считали, что государство может решать социальные вопросы лишь там, где частная инициатива невозможна или недостаточна.

Несмотря на заявленные планы о семипроцентном росте ВВП, создании миллиона рабочих мест, смягчении проблемы бедности, PAN не удалось улучшить положение в экономике. По сути руководство партии продолжило ортодоксальную неолиберальную политику PRI. Не было проведено серьезных структурных преобразований. Правительство ориентировалось в основном на исправление макроэкономической ситуации, пытаясь сдерживать инфляцию, стимулировать экспорт, привлечь иностранные инвестиции, часто игнорируя при этом социальную составляющую политики. Это сказалось на увеличении числа мексиканцев, живущих за чертой бедности. По данным Национального совета по оценке социального развития, число бедных в Мексике в 2010 г. составило 52 млн человек, или 46,2% населения (2008 г. — соответственно 48,8 млн и 44,2%)²⁵.

Полная открытость к воздействию внешних сил в нынешнем глобальном мире имеет экономические последствия, но на которые, увы, практически не обращают внимания, — навязывание через глобальные средства массовой информации западных моделей потребления, не отвечающих внутренним императивам процесса накопления, плохо сочетающихся с потребностями внутреннего развития, требующих увеличения объема внутренних инвестиций в различные национальные проекты.

При оценке последствий неолиберальной политики большое внимание уделяется экономическим показателям, но ускользает такой аспект, как

Президент	Темпы роста ВВП
Адо́льфо Лопес Матеос (1958—1964)	5,4
Густаво Диас Ордас (1964—1970)	4,9
Луис Эчеверриа (1970—1976)	5,5
Хосе Лопес Портильо (1976—1982)	7,3
Мигель де ла Мадрид (1982—1988)	0,8
Карлос Салинас де Гортари (1988—1994)	3,0
Эрнесто Седильо (1994—2000)	4,1
Висенте Фокс (2000—2006)	2,1
Фелипе Кальдерон (2006—2012)	1,9

Источник: Hilario Barcelata Chávez. La Economía mexicana. Crisis y reforma estructural. 1984—2006. México, 2008, p. 385.

воздействие на социальное, морально-нравственное и психологическое состояние общества, у которого своя система ценностей, свои традиции, свое понимание нужного и должного. И тогда возникает необходимость другого подхода: на первый план выступают оценка сложившегося качества жизни, восприятие самими мексиканцами настоящего и будущего, власти и ее места в деле строительства этого будущего.

В этом отношении показательным является опрос, проведенный журналом «Nexos» в 2010 г. в связи с 200-летием независимости Мексики. Данные опроса свидетельствуют об том, что мексиканцы не отождествляют себя со страной; они существуют как бы по отдельности. Об этом говорят такие цифры: 69% опрошенных считают, что каждый индивид имеет свою цель и свой курс, но при этом 56% говорят о том, что Мексика «плывет по воле волн», т.е. признают, что страна не имеет ни цели, ни направления движения²⁶. Экономические проблемы в качестве основных признают лишь 27% опрошенных, при этом эти же проблемы в личном плане являются главными для 49%²⁷.

Еще одна трещина пролегает по линии общество — правительство (или правящая элита), которому большинство мексиканцев не доверяют. И это наиболее четко проявляется в разделении на «мы» (бедные) и «они» (богатые). И «мы» — это собирательный образ всякого, кто не относится к элите, особенно политической и правящей. Только 6% мексиканцев верят людям, связанным с властью и политикой, — президенту, судьям, полиции, депутатам, представителям партий²⁸. В этих условиях недоверия власти люди начинают замыкаться в узком кругу своей семьи, только в которой они и видят утешение и надежду. В такой обстановке имеет место явное превалирование индивидуальных интересов над коллективными: чаяния 86% мексиканцев связаны исключительно с собственным благополучием или благополучием семьи²⁹.

Страна оказалась расколота по всем срезам — территориальному, половозрастному, социально-экономическому. За последние три десятилетия сознание мексиканцев сильно изменилось, из него уходит понятие коллективного: общего будущего, общей (коллективной) судьбы, общей (коллективной) мечты (идеи), способной объединить индивидуальные усилия в созидательную энергию преобразования мексиканской действительности.

По словам мексиканского историка Энрике Семо, Мексика живет в эпоху, когда «правящие элиты заняты разрушением дела и идеологии мексиканских революций: суверенитета, независимости, национализма, незави-

симой внешней политики, аграрной реформы, индустриализации, социального государства, играющего важную роль в экономике»³⁰. Эти основные понятия, тесно связанные с революционными завоеваниями, подвергаются нападкам и даже отрицанию, с их утверждением и развитием не связывается будущее державы. По сути оказалась разрушена идея, на которой в той или иной степени держалось единство общества. По мнению элиты, спасение страны — в свободном рынке, предпринимателе-индивидуалисте, эффективном предприятии, конкурентоспособности, макроэкономическом равновесии и участии в NAFTA³¹.

Как отмечается в исследовании, вызовами для лидеров страны становится формирование общей для всех мексиканцев мечты, которая стала бы основой для согласования индивидуальных и коллективных устремлений; определение конечной цели, к которой должна двигаться Мексика и которая отвечала бы чаяниям каждого гражданина.

Как и в России, в Мексике власть пока не реагирует на то, что происходит в стране в последние три десятилетия. Не допускается даже мысли о том, что возможно это есть следствие ошибочной социально-экономической политики. Ссылаются на недостаточную либерализацию экономики, на влияние внешних факторов, включая игру рыночных сил, в действие которых «вмешиваться нельзя». И нет даже попыток проведения анализа происходящего как в стране, так и за ее пределами, в глобализированном пространстве нашей планеты, частью которого является и Мексика. Но без учета данного момента, без осознания места страны в мире, в регионе, выстраивания приоритета связей и поиска настоящих союзников, без четкого понимания своих национальных интересов (я имею в виду не интересы правящей элиты, а интересов всего народа) любые попытки изменить ситуацию к лучшему обречены на неудачу.

В политике последних лет не учитывается разнородная структура мексиканского общества, которая соответствует до сих пор не изжитой гетерогенной структуре экономики. В свое время аргентинский экономист Рауль Пребиш указывал на гетерогенность производственной структуры латиноамериканских стран как на один из факторов, затрудняющих экономический рост и способствующих сохранению неравенства в обществе. Прошло полвека, но эта проблема по-прежнему стоит перед Мексикой. Несмотря на модернизацию, в ней сосуществуют самые разные эпохи, «здесь Модерн никогда полностью не укоренялся ни в отдельном человеке, ни в социальных структурах. Традиция не только жива, но и необъяснимо возвращается с новой силой»³². Именно поэтому драма Мексики, равно как и России, состоит не в том, что она так и не смогла «в большинстве случаев добросовестно скопировать Запад, а в том, что ей не удалось остаться самой собой, ответить на вызовы новой эпохи в соответствии с собственной традицией»³³.

При построении любой политики совершенно необходимо иметь в виду эти особенности общества — разнородность и силу традиции. Только при учете данных факторов, согласовании интересов всех участников процесса национального развития, постановке перед ними коллективной цели, основанной на общей для всех идее, более справедливом распределении тягот, с которыми неизбежно придется столкнуться на этом пути, можно ожидать успеха.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: C.J.N ú ñ e z R o d r í g u e z. De la gubernamentalidad al necropoder: la organización de la muerte por parte del gobierno de Felipe Calderón. — Revista REDPOL. México, 2011, N 3, p. 13.

- ² S. de la Peña, T. Aguirre. De la revolución a la industrialización. México, 2006, p. 290.
- ³ Pensar el futuro de México. Colección conmemorativa de las revoluciones centenarias. Crecimiento y desarrollo económico de México. México, 2010, p. 67.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ F. Derossi. El empresario mexicano. México, 1977, p. 18.
- ⁶ См.: S. Cordero, R. Santín. Los grupos industriales: una nueva organización económica en México. México, 1977.
- ⁷ Economía mexicana. México, 1981, N 3, p. 26.
- ⁸ http://www.cidob.org/es/documentacio/biografias_lideres_politicos/america_del_norte
- ⁹ catarina.udlap.mx/u_dl.../capitulo7.pdf
- ¹⁰ J. A. Alonso. Soberanía nacional y neoliberalismo en México: el nuevo sector manufacturero en Tlaxcala. — Problemas del desarrollo. México, 2006, N 145, p. 84.
- ¹¹ Pensar el futuro de México, p. 74.
- ¹² México en la dinámica mundial del siglo XXI. México, 2010, p. 95.
- ¹³ Ibid., p. 98.
- ¹⁴ Pensar el futuro de México, p. 75.
- ¹⁵ C. J. Nuñez Rodríguez. Op. cit., p. 17.
- ¹⁶ H. Barcelda Chávvez. La Economía mexicana. Crisis y reforma estructural. 1984—2006. México, 2008, p. 295.
- ¹⁷ Pensar el futuro de México, p. 79.
- ¹⁸ Ibid., p. 81.
- ¹⁹ Moreno Rosío. Ingresos petroleros y gasto público: la dependencia continúa. México, 2006, p. 11.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Рассчитано по: Anuario Estadístico de los Estados Unidos Mexicanos 2011. México, 2012, Cuadro 21.8.
- ²² Ibid., Cuadro 21.9.
- ²³ Рассчитано по: Anuario Estadístico de los Estados Unidos Mexicanos 1980. México, 1982, p. 136—137.
- ²⁴ Ibid., c. 139—140; 2011, Cuadro 21.5, 21.9.
- ²⁵ Pobreza en México y en las entidades federativas. 2008—2010. México, 2011.
- ²⁶ Nexos en línea. Febrero de 2011, p. 9.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibid., p. 29.
- ²⁹ Ibid., p. 20.
- ³⁰ E. Semoe. Modernización desde arriba y revolución. — MEMORIA. México, 2010, N 243, p. 15.
- ³¹ Ibidem.
- ³² Ibid., p. 9.
- ³³ А. С. Панин. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002, с. 109.